

А.Л. АНДРЕЕВ

Социальное ядро нации

(Средние слои в современном российском обществе)*

Давно известно, что носителями культурно-исторических генотипов любого этно-политического сообщества и его жизненных сил являются средние слои. Еще Аристотель считал, что государство, в котором преобладают "средние люди", будет иметь наилучший государственный строй.

Эта мысль актуальна и сегодня. Не случайно тема среднего класса - одна из ключевых в идеологии российских реформ. Представители различных общественно-политических направлений объявляли себя выразителями интересов среднего класса, но интерпретировали эту тему по-разному.

Одни стремились перенести в Россию западное понятие эффективного собственника, другим был больше по душе "крепкий хозяин" столыпинского образца, третьи выдвигали на первый план социальную и интеллектуальную самостоятельность, обеспечивенную экономической независимостью. Однако практически все сходились и сходятся в том, что "толщина" среднего слоя российского общества и тот облик, который он примет в ходе развернувшихся с начала 90-х годов социально-экономических и политических преобразований, в значительной степени определяют дальнейший путь развития нации, общества и государства.

Анализ данных, полученных в ходе исследований, позволяет сделать вывод, что характер социальной структуры в современной России претерпевает изменения принципиального характера.

Эволюция советского строя в эпоху "развитого социализма" способствовала формированию социальной структуры квазисословного типа. Эта структура включала в себя как официально признаваемые элементы (рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенцию), так и не входившие в данный перечень, но тем не менее реально существовавшие и игравшие значительную роль социальные группы среди которых следует назвать постепенно обособлявшуюся от всех партийно-советскую номенклатуру, а также складывавшуюся в системе распределения дефицита нелегальную, теневую буржуазию.

В отличие от сословий "классы" и "прослойки" советского общества не имели какого-то особого публично-правового статуса. По Конституции 1936 года советские граждане пользовались равными правами и имели одинаковые обязанности. Однако на уровне некодифицируемого "фактического" права, включавшего целый комплекс разнопорядковых регулятивных механизмов (подзаконные акты, распоряжения, за-

*Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 98-03-04202).

А н д р е е в Андрей Леонидович-доктор философских наук, профессор, директор Центра логического мониторинга массового сознания.

крытые постановления, система прикреплений и квот, административные полномочия, создававшие возможность использовать государственную собственность в своих интересах), неравенство реальных прав советского времени было ощутимым фактом, не составлявшим особого секрета.

В квазисословном советском обществе социальный статус определялся не столько формально фиксируемым доходом, сколько неодинаковым доступом к различным благам (привилегиям). Рубль в кармане рядового учителя, врача, мелкого служащего и рубль в кармане номенклатурного сановника или директора торгового предприятия имел разную покупательную силу. Поэтому сравнение доходов как универсальная, "сквозная" процедура сопоставления социальных статусов была лишена смысла, да и социальная группировка в обществе происходила не по этому принципу.

Правда, уже в 60-70-е годы в Советском Союзе стал складываться некий базовый потребительский стандарт, более или менее характерный для всех социальных групп, занимающих промежуточное положение между "верхами" и "низами". Однако условия выхода на этот стандарт и адекватные этой задаче формы социального поведения сильно различались. И хотя квазисословия советского времени не были совершенно замкнутыми, и в реальной жизни благодаря карьерным продвижениям, а также семейным и личным связям они пересекались, единая общность людей среднего дохода и социального положения в этих условиях вряд ли могла возникнуть.

Переход к формальной демократии, рыночные реформы и, наконец, всеобъемлющий кризис привели к быстрой дезинтеграции структур советского общества. Взамен началось формирование новой модели социальной стратификации, основанной на возможности непосредственно сопоставлять и приравнивать друг к другу все статусные позиции при помощи всеобщего эквивалента. В качестве эквивалента принимался, разумеется, уровень доходов, что соответствовало общему положению других позднеиндустриальных и постиндустриальных стран.

Происходящие в обществе сдвиги нашли отражение в концепциях отечественной науки. Разработанное в зарубежной социологии понятие среднего класса стало использоваться и в российских исследованиях, включая такие подразделения, как "верхний средний", "средний средний" и "нижний средний" классы [1].

Впрочем, безоглядная вера в восходящий российский средний класс, выступающий гарантом необратимости демократических реформ, оказалась непродолжительной. После финансового кризиса осени 1998 года, резко сдвинувшего вниз статусные позиции значительной части россиян, средства массовой информации, а вслед за ними и некоторые исследователи заговорили уже о смерти среднего класса в России.

Так какой же все-таки социальный итог можно подвести сегодня? Как трансформируются в современных условиях средние слои российского общества? Сложился ли в постсоветской России так называемый средний класс, как и в каком направлении он эволюционирует?

Солидный материал для размышлений дает проведенное в феврале-марте 1999 года исследование Российского независимого института на тему "Есть ли средний класс в России?". Эмпирической базой послужили данные социологического опроса, проводившегося в основных типологически различных регионах страны. В выборку было включено 1765 человек, она строилась на сочетании двух критериев: объективного материального положения респондента (за условную нижнюю границу, отделяющую "низы" от "середины", принималась официальная цифра среднедушевого дохода по России - около 1200 руб. в месяц) и субъективного критерия социального самочувствия (в выборку включены только те респонденты, которые сами отнесли себя к средним слоям общества).

Исследование, охватившее широкий круг вопросов (от уровня материальной обеспеченности до ценностей и жизненных ориентации представителей средних слоев), позволяет сделать ряд обобщенных выводов, характеризующих образ жизни, мировоззрение и особенности социального поведения тех россиян, которые могут быть причислены и причисляют себя к среднему классу.

Безусловно, средние слои российского общества находятся в гораздо более стесненных материальных условиях, чем средний класс США и Западной Европы. Однако этот разрыв не является подавляющим и его не следует абсолютизировать. Качественные различия здесь не переходят той грани, за которой начинается качественный разрыв в образе жизни и по таким жизненно важным показателям, как обеспеченность среднего гражданина жильем, а также неким минимумом технических средств, составляющих предпосылку современного жизненного уклада. Во всяком случае по конкурентоспособности трудовых ресурсов на уровне организации быта Россия и Западные страны могут считаться сопоставимыми.

Сравнение позиций россиян, немцев и англичан по 13 основным факторам жизненного успеха показало, что наши соотечественники склонны выдвигать на первое место личные способности человека, тогда как для респондентов из стран Западной Европы эта позиция кажется менее значимой, чем упорный труд и хорошее образование. "Очень важным" образование назвали всего 57% респондентов-россиян, 88-90% немцев и почти 75% британцев. В то же время 10% россиян ответили, что считают этот фактор не очень или совсем не существенным, тогда как ответы респондентов из западноевропейских стран варьировались в пределах 1—3%.

Стоит отметить, что при переходе от ранжирования факторов к сопоставлению конкретных цифровых показателей антиномия "Россия-Запад" как бы исчезает, уступая место более дробным различиям отдельных стран. При этом по разным показателям Россия может напоминать то одни, то другие государства Европы. Например, по значению, которое в сознании средних слоев придается личным способностям, Россия очень близка к Великобритании и довольно далеко отстоит от Германии, где доля респондентов, вообще не придающих ему особого значения, примерно в три раза выше. А вот по оценке упорного труда средние слои россиян сильно уступают британскому среднему классу, но, как это ни странно, превосходят западных (не восточных!) немцев: "очень важным" упорный труд назвали почти 84% англичан, 71,2% жителей бывшей ГДР, 56,4% россиян и всего 52,3% граждан "старой" ФРГ.

Около половины российских семей среднего достатка в настоящее время имеют автомобили, причем довольно распространенным явлением становится и наличие второй машины, что до недавнего времени воспринималось как чисто западный потребительский стандарт.

Важной характеристикой технической оснащенности социально активных средних слоев можно считать наличие персонального компьютера (им располагают ныне 40% респондентов, причисляющих себя к средним слоям, но среди лиц, имеющих ученую степень, эта цифра повышается до 55%).

Вместе с тем в отличие от среднего класса западных стран российский средний класс испытывает несравнимо большее давление фактора неопределенности. Благополучие "среднего" человека в современной России весьма ненадежно и часто зависит не от личных усилий и добросовестности, а от благоприятного или неблагоприятного стечения обстоятельств.

В этой ситуации российские средние слои сильно страдают от недостатка социальных гарантий, прежде всего гарантий поддержки на случай нужды, безработицы, старости, болезни, инвалидности. Об этом говорят свыше 70% представителей российских средних слоев, в том числе и относящихся к самой благополучной их части. Например, в Западной Германии и Великобритании свою незащищенность в этом вопросе ощущают лишь 2,3% населения. Добавим к этому, что 30-40% россиян среднего достатка отмечают трудности в доступе к бесплатному медицинскому обслуживанию, тогда как в Германии на эту проблему указали лишь 1,5% граждан.

Тем не менее средние слои России рассчитывают на свои адаптивные способности и поэтому в целом ориентируются на "рыночные" жизненные стратегии. И действительно, средние слои российского общества оказались достаточно гибкими, мобильными, способными к быстрой смене видов деятельности, что обеспечивало им весьма высокую выживаемость в постоянно меняющихся и в целом неблагоприятных условиях.

Это доказал, в частности, кризис 1998 года. Как показало исследование, несмотря на сокращение доходов и потерю вкладов, средние слои россиян сохранили свое положение по сравнению с другими социальными группами. В целом эрозию средних слоев после 1998 года можно оценить в 30%. Правда, в результате кризиса средняя часть социальной лестницы как бы просела вниз. Кроме того, практически по всем профессиональным группам (менеджеры, офицеры, ИТР, гуманитарная интеллигенция и т.п.) наблюдалось снижение статусных самооценок по 10-балльной шкале (по разным профессиональным категориям от 0,5 до 1 балла).

Тем не менее, характеризуя мироощущение и ценности средних слоев, надо принять во внимание не только их трудности и психологическую напряженность, но и то обстоятельство, что значительная часть людей среднего достатка в последние годы приобрели то, что ранее казалось труднодоступным (например, только 18-20% приобрели автомобиль еще "при советской власти", большая же часть смогла купить машину уже в последнее время).

Указанное обстоятельство накладывает существенный отпечаток на мировоззрение средних слоев. Так, если для населения России в целом общество социального равенства предпочтительнее общества индивидуальной свободы в соотношении примерно 2 : 1, то в средних слоях это соотношение становится обратным. Представители этой категории россиян явно ориентированы на то, чтобы "делать себя" самим, не ожидая особой помощи от государства. Однако это вовсе не делает их безоговорочными сторонниками политического либерализма. Приверженность данному направлению характеризует не столько средний слой в целом, сколько некоторые входящие в него специфические категории: менеджеров, служащих инофирм и фирм, связанных с финансово-посреднической деятельностью. Что же касается собственно интеллигенции, которая 10-15 лет назад была основным проводником либеральных доктрин, то сегодня она явно переориентируется на идею русского национального возрождения. Ныне доля сторонников этой идеи в составе интеллигенции превышает долю "либералов" примерно в 1,5 раза. Однако она все же остается заметно меньшей, чем в репрезентативной общероссийской выборке, отражающей социальную структуру населения в целом. Собственная же специфика средних слоев состоит в повышенной склонности к соединению различных социально-политических идей. Эта позиция занимает в среднем классе лидирующее положение: свыше 24% опрошенных (против 18,9% в среднем по России, где она заняла второе место после идеи русского национального возрождения). Олицетворением такого "сочетания идей", по-видимому, кажутся среднему слою россиян такие политические деятели, как Ю. Лужков, Г. Явлинский и Е. Примаков, являющиеся его безусловными фаворитами (рейтинг этих политиков в среднестатусных группах россиян в феврале-марте 1999 года составлял по совокупности соответственно 19,1, 17,9 и 17,4%).

В западных демократиях средние слои играют роль социального лидера нации, с мнением которого считаются. Поддержка политика средним классом здесь может рассматриваться как его главный электоральный ресурс. В России значение данного фактора и то влияние, которое средние слои оказывают на политику и общественную жизнь, незначительны. Они далеко не соответствуют не только размерам среднестатусного в этих слоях "человеческого капитала", но и их арифметической пропорции в общем составе населения.

И дело здесь не только в фактическом отсутствии инфраструктуры гражданского общества, в том числе дееспособной системы неправительственных организаций, которая служит механизмом трансляции порождаемых социальной активностью целей в политику.

Как отмечали исследователи, в российском обществе существует значительная масса индивидов, которые по ряду признаков могут быть причислены к среднему классу. Но "нет среднего класса как интегрированного субъекта, выполняющего свою специфическую экономическую и социально-политическую роль" [2]. Включение средних слоев в унифицированное поле экономических отношений не привело к

формированию у них сколько-нибудь единой групповой идентичности, а следовательно, и общих интересов, которые необходимо отстаивать.

Разумеется, и средние классы западного типа не являются внутренне едиными. Внутри них имеются профессиональные, региональные, поколенческие и другие различия. Однако стратификационные критерии здесь увязаны друг с другом. Более высокому уровню доходов соответствует и более высокий социальный статус, что находит предельно сфокусированное выражение в социальном самосознании: отношение "выше-ниже" понимается однозначно, а личная самооценка обычно согласуется с объективными данными и мнением окружающих.

В России же использование различных критериев социальной идентификации дает статистически значимые расхождения. Так, в нашем исследовании отнесение к среднему классу по объективным показателям и на основе самозачисления практически совпало лишь у квалифицированных рабочих и военнослужащих (в обоих случаях расхождение составило около 1%, что меньше допустимой в массовом опросе погрешности). В остальных социальных группах расхождение оказалось весьма заметным. И если у гуманитарной интеллигенции оно составило около 3%, то в категории технической интеллигенции - до 8%, у фермеров же разрыв между показателями достиг 21%.

Очевидно, перед нами не простая случайность, а отражение какой-то специфической социальной закономерности, в характере которой необходимо разобраться.

Ключ к пониманию природы данной закономерности, на наш взгляд, дает характеристика смысловых контекстов социальной самоидентификации. Следует, в частности, обратить внимание на то, что для россиян определение места человека на социальной лестнице есть разрешение конфликта разнопорядковых, условно говоря, "материальных" и "идеальных" критериев. С одной стороны, это критерий прагматически понятого успеха ("умения жить"), с другой стороны, оценка того, чем является тот или иной человек "на самом деле", какова его "истинная ценность". Специфика российской ситуации по сравнению с обычной практикой западных стран состоит в том, что данные критерии взаимно не конвертируются, а используются независимо друг от друга. Получается не интегрированная статусная шкала (как на Западе), а как бы две отдельные оценочные шкалы и соответственно два типа социальных иерархий.

Правда, для значительного большинства (примерно для 75%) россиян положение на одной иерархической шкале примерно соответствует положению на другой. Отсюда возникает иллюзия того, что российский средний класс отличается от американского, английского, немецкого лишь количественными значениями конституирующих его критериев (меньший уровень дохода и др.).

Однако на самом деле вопрос более сложный. Если принять западную модель среднего класса за норму, то российский случай выглядит неклассическим, причем, как будет показано ниже, различия между ними носят структурный характер.

Теоретическим выражением расхождения между выведенной из западного опыта нормативной моделью и "нестандартной" российской ситуацией стал спор о критериях выделения среднего класса в России.

Один из критериев состоит в том, что параметры социальной стратификации целиком выводятся из дохода. Средний класс - это те, кто получает от 1000 долл. в месяц и выше. Таких людей в России пока относительно немного, но все-таки средний класс уже формируется и рекрутируется из представителей "новых профессий в рыночной экономике" [3].

Другой критерий состоит в том, что показатель дохода не является универсальным и определяющим. Ему противопоставляется следующий параметр - стоимость человеческого капитала. С этой точки зрения средний класс в России давно уже наличи и составляет его наиболее квалифицированная, образованная и нравственная часть общества [4].

Несмотря на то что эти позиции кажутся совершенно противоположными, в определенном смысле они одинаково верные. Все дело в том, что российский средний

класс формируется достаточно необычным образом, а именно путем наложения (суперпозиции) двух субклассов. В результате этого и возникает не учитываемый участниками дискуссии (иначе спор был бы лишен смысла) чрезвычайно специфический феномен удвоения критериев социального статуса.

Один из образующих среднюю часть социальной иерархии субклассов действительно конституируется на принципе рыночного успеха и ориентирован на "материальную" оценочную шкалу. Его правомерно было бы определить как средний класс "по доходу".

Респонденты, принадлежащие к этой категории, относят себя к среднему классу, прежде всего исходя из определенного стандарта доходов и потребления. Важный фактор их социального самоопределения - "престижная", "современная" работа, которая достаточно разнообразная и увлекательная. Однако (и это чрезвычайно симптоматично) безусловно интересная работа, но ставшая в современных условиях низкооплачиваемой, представителям данной группы кажется содержательно второстепенной. Таким образом, доходность неявно становится мерилем оценки всех сторон той или иной деятельности.

Другой подкласс российских средних слоев можно было бы условно назвать средним классом "по личному достоинству". Здесь к среднему классу относят прежде всего на основании традиционно российских представлений о том, какие виды занятий дают на это право, а какие — нет. Например, учительница, с этой точки зрения, скорее всего будет отнесена к среднему слою, а продавщица или автослесарь, зарабатывающие, возможно, в 5-10 раз больше, - нет.

Какие же показатели играют наиболее важную роль в такого рода базисных оценках? Для того чтобы ответить на данный вопрос, сравним респондентов, придававших уровню материальной обеспеченности ведущее значение при отнесении себя к среднему классу, по степени значимости для них других социальных признаков: должностного положения, образования, образа жизни, престижности профессии, уровня связей и знакомств и др. Анализ выявил, что по части сопоставляемых позиций сколько-нибудь существенных расхождений между двумя рассматриваемыми категориями респондентов не наблюдается (оно составляет не более 2-3%). Однако есть параметры, по которым различия имеются, и весьма существенные. Это - образование, уважение и личная профессиональная квалификация. Первый из них оказался значимым для 16,3% опрошенных с преобладающей "материалистической" ориентацией и для 26,5% опрошенных, для которых материальная обеспеченность, по их словам, не играет решающей роли. По второму соотношению оказалось 9,6% против 21,5%. Самыми же значительными оказались различия в оценке такого фактора, как уважение окружающих: 12,2 и 28,7% соответственно. Эти три взаимосвязанных и дополняющих друг друга признака составляют, по сути, единую связку и образуют, по-видимому, интегральный критерий, по которому конституирован "второй средний класс" российского общества.

Судя по всему, описываемые различия в матрицах социальной самоидентификации имеют определенную психологическую (или, точнее, ценностно-психологическую) основу. Те представители средних слоев, для которых основным показателем успеха является материальное благосостояние, очень чувствительны к оценке и самооценке своего социального положения. Их суждения отличаются максимальной определенностью: либо достаточная степень удовлетворения достигнутым, либо неудовлетворенность (хотелось бы большего!). Только 7% респондентов этого типа заявили, что положение в обществе им безразлично или же затруднились с ответом. Более "идеалистически" настроенная часть средних слоев придает формальной фиксации "достижений" значительно меньшее значение и демонстрирует известную степень равнодушия к статусным вопросам. Здесь доля такого рода ответов повышается практически в два раза.

Сопоставление наших данных с результатами других исследований позволяет говорить о том, что две выделенные в составе российского среднего класса подгруппы не

образуют единой интегральной социокультурной среды. Они настолько отличаются друг от друга по своему общему мироощущению, что социальный диалог между ними представляется достаточно затруднительным и проблематичным, вследствие чего, несмотря на общую тенденцию к преодолению квазисословной фрагментации советского периода, российский средний класс остается до конца не консолидированным.

В частности, респонденты с прагматически-материалистическим мироощущением часто с откровенным непониманием относятся к тем, кто ставит творчество и уважение выше заработка. Иногда они видят в них "людей вчерашнего дня", но еще более они склонны не верить в самую возможность другой, чем у них, ориентации, полагая, что ее представители просто "не умеют правильно жить" и не способны к "более престижным", по их понятиям, видам деятельности. Социально-статусные притязания, не подтвержденные заработком, кажутся респондентам этого типа просто абсурдными, какими бы символами и отличиями (награды, звания, академические степени) они ни аргументировались.

Оппоненты, в свою очередь, платят им если не моральным осуждением, то отчуждением. Их "бедная гордость" сродни гордости мастера, обладающего умением сделать своими руками то, что не могут сделать другие, какими бы богатыми, знатными и влиятельными они ни были. В "классе доходов" самооценка, напротив, сравнительно редко связывается с уровнем личных способностей. Высоко в принципе оценивая значение интеллектуального уровня человека, респонденты этого типа обычно не связывают более высокое положение (более высокий статус) с уровнем личных способностей, чаще объясняя его возрастом, востребованностью своей профессии, лучшим образованием, благоприятным стечением обстоятельств. Человек оказывается в данном случае более функциональным, "стандартизированным" и потому, в сущности, взаимозаменяемым.

Возможно, эта ценностная несовместимость и отсутствие пригодного для взаимопонимания социального дискурса дают основание говорить даже не о двух субклассах, а о существовании в современном российском обществе двух различных средних классов. Однако понятно, что столь сильный тезис не может быть принят без всестороннего анализа и дополнительного обсуждения.

Разительное несовпадение социальных приоритетов, естественно, создает заметную дифференциацию двух субклассов среднего класса (или двух средних классов?) по характеру их жизненных достижений. В частности, тот подкласс (класс?), который ориентирован в первую очередь на материальное благополучие, заметно превосходит в этом отношении своего "двойника". Поэтому, если ставить вопрос чисто формально, можно было бы описать обсуждаемую нами внутреннюю дифференциацию среднего класса в более традиционных терминах "верхний средний", "просто средний" и "нижний средний" классы. Надо, однако, отчетливо понимать, что такая трактовка в российских условиях не учитывает ни внутренние, имманентные принципы конструирования различных компонентов российского среднего класса, ни особенности самосознания и самоидентификации его представителей.

С этой точки зрения примечательно, что среди наших респондентов, относивших себя к среднему слою российского общества, есть такие, чьи доходы превышают уровень среднестатистического россиянина почти на порядок (в отдельных случаях они доходили до 100 тыс. руб. на человека в месяц). Подобные цифры (5 тыс. долларов!) значительны и по западным меркам, для России же они настолько неординарны, что самозачисление обладателей таких доходов в средний класс может вызвать искреннее недоумение. В целом же среди опрошенных, чей душевой доход составляет от 10 тыс. руб. и выше, только каждый восьмой проставил себе высшие "социальные баллы", остальные отнесли себя к средним слоям. Однако, с другой стороны, из числа малообеспеченных респондентов, получающих менее 1 тыс. руб. на человека в месяц, почти треть охарактеризовала свое положение как среднее или даже как более высокое.

"Экзотических" случаев такого рода в общем массиве собранных данных, конечно, сравнительно немного. Однако их значительно больше, чем можно было бы ожидать теоретически. Во всяком случае они не единичны. Поэтому, на наш взгляд, от них нельзя просто отмахнуться.

Не будем обсуждать, почему едва сводящие концы с концами люди причисляют себя к среднему классу. Это можно попытаться объяснить потребностью в самокомпенсации. Более показательно другое: почему люди, добившиеся незаурядного по российским меркам успеха, оценивают свой статус значительно скромнее, чем могли бы? Рационально объяснить этот феномен можно только одним: по-видимому, они судят о том, чего достигли, по иной оценочной шкале, и на этой шкале материальное благополучие перевешивают какие-то более важные для этих людей факторы.

По понятиям очень многих россиян менее высокий уровень доходов может уравниваться неким моральным ресурсом, включающим интеллигентность, духовное богатство, образование, творческие достижения. Интегральный уровень самооценок той части среднего класса, для которой материальное благополучие не является главным критерием жизненного успеха, в целом не ниже, чем у более прагматически настроенных и, по рыночным меркам, преуспевающих его представителей (другое дело, что отсутствие адекватного материального вознаграждения за сложный, квалифицированный труд, а также очевидное неравенство в доходах вызывает в российском обществе недовольство и воспринимается как социальная несправедливость).

Таким образом, соотношение обоих рассматриваемых нами сегментов среднего класса в социальном пространстве России в целом не может быть адекватно описано в терминах "выше"- "ниже". Такая трактовка возможна лишь как ситуативная, "привязанная" к тому или иному конкретному вопросу, причём принадлежащая к совершенно определенному тематическому кругу (адаптация к рыночной среде, стандарты потребления, потребительское поведение и т.п.). При более общем подходе оба подкласса среднего класса надо рассматривать как статусно однопорядковые, что, безусловно, по сравнению с представлениями, разработанными на базе обществ западного типа, выглядит довольно необычно.

Но "неклассический" характер российской социальной реальности этим не исчерпывается. Есть основание полагать, что в современной России практически отсутствует, а возможно, не складывается тот социальный слой, который в соответствии со стандартной моделью стратификации обычно именуется нижним средним классом. Определяя методику проведенного нами исследования, мы такой возможности не предполагали. Напротив, наличие нижнего среднего класса не вызывало у нас никаких сомнений и мы исходили из предварительного отождествления его приблизительно с тем же кругом социальных статусов и профессий, которые традиционно относятся к данной категории зарубежной социологией. Однако в ходе работы данное предположение не нашло эмпирического подтверждения. Как выяснилось, эта самая многочисленная группа российского общества ни по каким критериям к среднему классу отнесена быть не может. И по своему месту в разделении труда (характер выполняемой работы, профессиональный и должностной статус), и по стандартам потребления, и по качеству жизни, и по типам экономического поведения и стратегиям адаптации, и, наконец, по способам социального воспроизводства данная группа ближе всего к тому, что в западноевропейской терминологической традиции именуется "рабочим классом". Однако в российских условиях в нее входит достаточно большая часть интеллигенции, прежде всего "неэлитные" слои ИТР, что делает применение термина "рабочий класс" в данном случае несколько сомнительным.

Если рассуждать в духе прямого переноса зарубежного опыта на Россию, можно было бы предположить, что по мере укрепления частнопредпринимательских начал в экономике рост той части средних слоев, которая восприняла "достижительные" ориентации, приведет к приобретению средним классом приблизительно той же роли в

политической жизни, какую он имеет в условиях западных демократий. Однако против такого утверждения, по-видимому, можно выставить достаточно веские доводы.

К сожалению, специально и всесторонне данный вопрос в отечественной науке не прорабатывался. Однако некоторые предварительные выводы на этот счет все же могут быть сделаны путем сопоставления результатов описанного выше и других исследований, в ходе которых изучались различные аспекты внутренней дифференциации среднего класса.

Интересные в данном контексте результаты получены, в частности, Е. Басиной, сравнивавшей между собой две группы респондентов, обладающих, хотя и в разной степени, основными цензовыми признаками среднего класса [5]. В обе группы включались лица "интеллигентных" профессий, имеющие высшее образование. Но в одном случае это была высокооплачиваемая по российским меркам молодежь (800-1000 долл. в месяц), в другом - лица среднего возраста со значительно более низким (100-200 долл.) доходом, но вместе с тем и не относящаяся к категории бедствующих. И хотя непосредственный предмет исследования Басиной (соотношение индивидуализма и коллективизма в постсоветском обществе) лишь отчасти пересекается с рассматриваемой нами проблемой, а при отборе респондентов она ориентировалась на собственные, несколько отличающиеся от наших, задачи, сконструированная ею выборка с известным приближением может рассматриваться как микромодель, отражающая тот дуализм средних слоев российского общества, который обсуждается в настоящей статье: с одной стороны, ориентация на экономически подтверждаемый успех, рыночный динамизм, высокий доход, с другой - сосредоточенность на том, что кажется важным безотносительно к рыночной конъюнктуре, преобладание коллективистского начала над индивидуалистическим и, как следствие, достаточно стесненное материальное положение.

В ходе сравнения жизненных стратегий, стилей поведения и образа мышления этих групп Басиной удалось подметить специфический для российской ситуации и очень важный для понимания ее динамики момент, который и позволяет нам поставить под сомнение политический потенциал и перспективы социального влияния "нового" среднего слоя, ориентированного в значительной мере на западные экономические модели и "современные" рыночные профессии. Дело в том, что эта социальная группа психологически самодостаточна и существует без прочной связи с остальным обществом. Экономический индивидуализм отторгает у нее не только способность ставить и обсуждать проблему общего блага (без чего невозможно участие в политике), но даже и сам интерес к политической деятельности. Суждения респондентов этого типа о социальных отношениях носят в основном реактивный характер и отличаются крайней неопределенностью ("люди не должны мешать друг другу жить" и т.п.), исключающей формулирование каких-либо четких политических понятий и целей. Респонденты с противоположной ориентации, напротив, проявляют широкий интерес к социально-политической проблематике и демонстрируют способность обсуждать достаточно сложные вопросы этого плана (Россия и Запад, китайская, японская и чилийская модели развития, состояние науки и т.п.) [5].

Поэтому политический потенциал первой группы ограничен, в сущности, лишь силой примера. В самом начале рыночных реформ образцы материального преуспевания, связанные с принятием "достижительных" ориентации и попытками перенять соответствующие жизненные стратегии, действительно будоражили воображение. Теперь в контексте разочаровывающего опыта кризисного развития отношение к такого рода образцам изменилось. В этой ситуации, скорее всего, роль лидера мнений будет переходить к более "альтруистической" (и вместе с тем традиционалистской) части среднего слоя, умеющей говорить на общественно значимые темы, оставаясь при этом в круге близких основной массе населения символов и понятий.

Итак, общества западного типа и современная Россия существенно различаются по характеру внутренней дифференциации среднего класса. Эти различия касаются как общего количества основных его сегментов, так и их взаимного расположения. Наг-

лядным геометрическим образом социальной структуры в первом случае может служить этажерка с тремя "полочками", а во втором случае - две расположенные примерно на одном уровне и как бы входящие друг в друга сферы.

Чем же обусловлена столь необычная, неклассическая форма структурирования российского среднего класса? Что является причиной его структурного удвоения?

Первое, лежащее на поверхности объяснение данного феномена, - это апелляция к специфической ситуации переходного общества, в котором как бы совмещены и переплетены явления, стадияльно относящиеся к разным эпохам. С одной стороны, в России продолжает существовать "старый" средний класс, "люди вчерашнего дня", консолидированные на базе советского социального патернализма. С другой стороны, интенсивно складывается "новый" средний класс, воспринявший "достижительные" ориентации западного типа и успешно адаптирующийся к условиям рыночной экономики, в первую очередь - к динамике спроса и предложения на различные виды деятельности и профессиональной специализации.

Однако если посмотреть на проблему более внимательно, можно заметить, что сам по себе феномен двойственности возник в российском обществе отнюдь не сегодня.

Можно, к примеру, сослаться в этой связи на неоднократно описанный и в научной литературе, и в публицистике феномен двойственности самосознания и социального поведения советской интеллигенции, которая жила и действовала как бы в двух мирах: в одном из них выполняла "социальный заказ" (от написания очередной кантаты о Сталине или "Малой земли" до разработки новейших систем оружия), получая за это соответствующие награды - тогдашний эквивалент рыночного успеха. В другом - работали "для дела", "для вечности", отдавая себя творческим экспериментам и научным исследованиям, которые очень часто казались властям предержащим если не подозрительными, то, во всяком случае, бесполезными. Самое интересное, что обычно и то, и другое делали одни и те же люди. Но в обоих "срезах социальной действительности" существовали и верхние, и нижние, и средние позиции. Естественно, они не совпадали, но во многих случаях они как бы пересекались и иногда совмещались (достаточно назвать хотя бы такие известные имена, как Д. Шостакович или А. Сахаров до его окончательного разрыва с режимом).

Генезис данного феномена можно проследить далеко в глубь исторического времени. В разные эпохи оно проявлялось по-разному: двоеверие, церковный раскол XVII века, сосуществование и одновременно противостояние допетровской и императорской России и т.д. Неизменным в эволюции форм и разделительных линий оставался своеобразный феномен "двойной жизни", двойственность основополагающих ценностных систем и порожденного всем этим расщепления социальных пространств. "Два в одном" стало формулой существования российского общества, его особенностью.

Разумеется, противоречие между сущим и должным, между нравственными императивами и интересами, между духовным авторитетом и властью имеют место во всех странах и во все времена. Но, пожалуй, только в России это противоречие оформилось в конститутивный принцип цивилизации, оказавший существенное воздействие не только на всю систему социальных позиций и статусов, но и на национальный менталитет.

Рискнем предположить, что именно с этим явлением мы и столкнулись в процессе изучения российского среднего класса.

Если это так, то корреляцию между поколенческими различиями и внутренней стратификацией российского среднего класса ("новый" и "старый" средний класс) надо рассматривать не только в контексте проблем переходного общества, в котором идет вытеснение одних социальных моделей другими. Двойственность российского среднего класса как таковая задана не нынешними рыночными реформами; последние лишь определяют ту конкретную форму, в которой двойственность российского социума проявляется сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляева Л.* Новые средние в России // Свободная мысль. 1998. № 7.
2. *Александрова О.А.* Идеальный фон становления российского среднего класса // Общественные науки и современность. 1999. № 1.
3. *Лепехин В.А.* Стратификация в современной России и новый средний класс // Общественные науки и современность. 1998. № 4.
4. *Голубев В.С.* Кого считать средним классом в России? // Общественные науки и современность. 1999. № 2.
5. *Басина Е.* Некоторые аспекты проблемы индивидуализма и коллективизма в российском общественном сознании: дифференциация и единство // Человек в переходном обществе Социологические и социально-психологические исследования. М., 1998.

© А. Андреев, 2000